

Зельницкая (Шларба) Р.Ш.

Трансформация проведения моления кузнеца или «старого» Нового года у абхазов

Р.Ш. Зельницкая

Аннотация. Данная статья посвящена обряду моления кузнеца, который проводится в Абхазии, чаще всего, на «старый» Новый год. В ходе исследования прослеживается трансформация этого обряда с момента его первого упоминания в 1871 г., до настоящего времени. Автор описывает изменения, происходившие не только в самом обряде, но и то, как изменилась священная кузня на протяжении времени. Кроме того, обращается особое внимание на отличительные черты этого обряда не только по историческим областям, но и элементы отличий в разных селениях. Также прослеживается некоторое возрождение, которое получил этот праздник-обряд в современной Абхазии, превратившись в государственный праздник.

Ключевые слова: священные кузни, кузнец, наковальня, свеча, моление

Современное празднование «старого» Нового года в Абхазии никак не освещено в научной литературе. Более того, те сведения, которые известны об обычаях празднования новолетия в более ранние исторические периоды, являются крайне отрывочными и неполными. Данная статья является попыткой частично заполнить лакуны, существующие в знаниях относительно этого моления.

Автор выражает признательность представителям семьи Аргун и информантам Шоте Шларба и Денису Айба за предоставление возможности наблюдать за проведением обряда и за бесценные сведения о проведении этого обряда в недавнем прошлом.

Традиция празднования «старого» Нового года в Абхазии связана с праздником кузнеца, который в XIX в. вместе с семьёй устраивал моление в своей кузне. Постепенно эти кузни становились родовыми святилищами. В настоящее время в Абхазии, особенно в Абжуйской её части, прослеживается восстановление родовых святилищ. Что же касается Бзыбской Абхазии, то проведение семейного моления-праздника *хьачхэама* в большинстве случаев не нарушалось и в советское время. Этот праздник большинство жителей современной Абхазии проводят в ночь с 13 на 14 января, а некоторые во вторник или в четверг в зависимости от того, на какой день попадает «старый» Новый год. Разница в проведении этого праздника зависит от того, какой день данный семейный союз считает священным днём, или, как его называют, «запретным» днём. «Запретный» – *амигъарс* или, по-другому, *амишъара*, то есть, «почитаемый» день, это период, во время которого запрещена любая работа¹. Таким образом, некоторые посещают священную кузню² в определённые дни недели, ориентируясь на почитаемые («запретные») дни, установленные в конкретном семейном союзе. Таким образом, если ночь с 13 на 14 января попадает на «запретный» день для семьи, являющейся частью конкретного семейного союза, то всех жертвенных животных закалывают заранее, так как по обычаю в этот день в доме нельзя проливать кровь. Также во многих семьях для совершения этого обряда есть специальные дни. Однако общеобязательным является то, что данный обряд можно проводить несколькими днями позже, но ни в коем случае не раньше, чем в ночь с 13 на 14 января.

Обряд, о котором пойдёт в дальнейшем речь, впервые был описан в 1871 г. как праздник кузнеца. Кузнец молился богу Шьашэ, – покровителю кузнечного и слесарного дела³. По сообщению автора статьи: «в ночь на новый год, кузнец проводил моление в своей кузне. Накануне Нового года хозяин режет телёнка или барана, а жена его по одному петуху на каждого члена семейства и приготавливает пирог из пшеничной муки со свежим сыром⁴. Печёнки и сердца зарезанных животных жарятся отдельно, причём вместо вертела употребляется палочка из ветки свежего ореха. Когда кушанья готовы и принесены в кузницу, хозяин раскладывает все свои инструменты на наковальню, вблизи неё ставит жаровню с угольями, и всё семейство располагается на коленях вокруг наковальни. Сняв башлык и пояс (как доказательство того что он обращается к Шьашы с открытым сердцем и помыслами), кузнец зажигает восковую свечу, бросает ладан на уголья жаровни и обращается к Шьашы с молитвой, прося ниспослать его семейству здоровья и долголетия, чтобы все орудия, которые делаются из железа, послужили ему в пользу, а не во вред. По окончании молитвы, когда все присутствующие произнесут «Аминь», хозяин отрезает маленькие кусочки пирога и внутренностей, бросает на жаровню, говоря: «До тех пор, пока я не буду в состоянии прокормить этим кусочком всех Анчабадзе и Шервашидзе⁵, пусть никто не болеет в моём семействе. Молю тебя об этом, Шьашы, принося настоящую жертву». Остальные кусочки, отрезанные кузнецом, раздаются каждому члену семьи, которые съев, тотчас запивают тремя глоточками вина»⁶.

При изучении этого обряда, который проводится в Абхазии и в настоящее время, можно увидеть насколько он трансформировался, и какие элементы сохраняются в неизменности. Интересным остаётся то обстоятельство, что в настоящее время никто, даже старожилы, не связывают этот праздник-обряд с кузнецом. Многие даже не помнят, были ли в их роду кузнецы.

По сообщению А...ь, «в новогоднюю ночь все желающие, проживающие в этом селе, могли прийти в гости к кузнецу. А также, это моление проводили некоторые владельцы, причём присутствовали все зависимые от них люди, которые должны принести каждый по петуху»⁷. Так как гостей могло быть много, чтобы не доставлять неудобства кузнецу, каждый с собой приносил по петуху и что-нибудь ещё из еды, либо продукты для её приготовления. В настоящее время, если кто-нибудь собирается в гости в дом, где проводят это моление, он обязательно должен с собой взять какое-либо угощение. В тот день, когда автор собирался в дом для фиксирования этого обряда, одна из невесток дома предупредила: «Обязательно возьми с собой какое-нибудь угощение. Приходить с пустыми руками нельзя, так неприято»⁸. Хотя её супруг, один из хозяев дома, был против того, чтобы она предупредила. «Что ты говоришь, мы что, не сможем их накормить?» – возмутился он. Для жителей остаётся неясным, почему нельзя приходить с пустыми руками. В традиционном обществе часто бывает, что причины совершаемых действий неизвестны исполнителям, но они обязаны им следовать по установленным обычаям. Если же обратиться к сообщению прошлого столетия, то напрашивается вывод о том, что, поскольку кузнецов в селе было мало, он мог быть в селе один, а гостей становилось много, они несли с собой угощение, чтобы хозяин-кузнец имел возможность угостить всех.

Название *ажьырныхэа*, так называют этот обряд в Абжуйской Абхазии, в переводе означает «кузнечное моление», а что означает название *хьачхэама*, принятое в Бзыбской Абхазии, остаётся неизвестным, хотя Джанашия Н. утверждает, что это ментгальское название. Он считает, что первоначально *хьачхэама* переводилось как «моление руки», а спустя некоторое время его стали переводить как «моление свиньи»⁹.

Остановимся на описании этого обряда в современной Абхазии.

В первую очередь нужно сказать, что отличия в проведении этого обряда прослеживаются не только по районам, мы сравниваем Абжуйский и Бзыбские районы, но и по отдельным сёлам.

Следует начать с описания священной кузни и её содержимого в настоящее время. Обязательными атрибутами священной кузни остаются: наковальня, молот, который в некоторых случаях может быть заменён топором, и щипцы. Они составляют, как и в прошлом, основу кузни. Существование сакрального числа трёх орудий,

которые называются «три руки», ссылаясь на Нартский эпос, В.Г. Ардзинба объясняет так: «Нартские тексты поясняют, что «три руки» – это части тела кузнеца: правая рука – молот, левая – клещи, левое колено (или оба колена) – наковальня»¹⁰. В недалёком прошлом, в XIX в., внутри кузни, у восточной стены, был устроен культовый очаг, а у его основы, ближе к стене, был зарыт кувшин с жертвенным вином. Этот кувшин вскрывался только в предновогодний вечер, на праздник *ажьбырныхэа*. Вот как описывает С.И. Бахия внутреннее убранство кузни: «Горн *ахуштаара* представлял собой каменную топку круглой формы, которая изнутри была обмазана глиной. Наковальня вместе с молотом и клещами составляла основу кузни. Внутри кузни, у восточной стены, был устроен культовый очаг, а у его основы, ближе к стене, был зарыт кувшин с жертвенным вином»¹¹.

В настоящее время в кузнях Бзыбских абхазов вышеупомянутый кувшин с вином вообще отсутствует, а в воссозданных священных кузнях в Абжуйской Абхазии закопанный кувшин с вином всё ещё остаётся одним из атрибутов. С.И. Бахия считает, что такое упрощение кузни, связано с советским периодом, когда кузня утратила своё хозяйственное значение, сохранив при этом только культовое, что избавляло от необходимости устраивать всё по правилам. Абхазы начали делать её имитацию на возвышенном месте в приусадебном участке большого дома *аан ду*¹². Тем не менее, такие «упрощённые» кузни наблюдались некоторыми исследователями уже в начале XX в. А.А. Миллер, один из первых основателей абхазской коллекции в Российском этнографическом музее, в 1907 г. обратил внимание на такие упрощённые кузни. И в своём отчёте о полевой работе записал: «Для этого, имеется в виду для проведения обрядов и для того чтобы принуждённые к этому давали присягу, где-нибудь во дворе он – кузнец, делает небольшую модель кузницы, какой-нибудь навес, под ним небольшой сруб, изображающий горн, около – наковальню, на горн непременно кладут несколько обломков <нрзб>. Мне говорили, что, в некоторых случаях ограничиваются только наковальней, которую делают из глины»¹³. Таким образом, опровергая сообщения С.И. Бахия, можно сказать, что слова некоторых информантов, которые утверждают, что их кузни не являются местом, где дают присягу, в действительности, верны.

Следует отметить, что кузня не была предметом имущественного раздела внутри семьи, оставаясь общим внутри патронимии. Хотя бывали случаи, когда патронимия распадалась, и тогда отделившиеся братья некогда большой семьи «организовывали» свои кузни. Подобные разделы происходят и в настоящее время, по желанию брата, отделяющегося от большого дома.

Неизменным общим элементом этого обряда является то, что в каждой семье на каждого члена режут по одному петуху, в независимости от пола и принадлежности этому фамильному союзу. Речь идёт о невестках, которые, выйдя замуж, становятся полноправными членами семьи, одновременно оставаясь чужими для данной фамилии¹⁴. Если в доме, где живёт невестка, этот обряд не проводят, она свою долю продуктов и денег на покупку жертвенного животного, обычно, козла, отправляет в дом своих родителей, в том случае, если там этот обряд совершают.

Итак, 13 января, с утра, начинаются приготовления к проведению обряда: режут на каждого члена семьи петухи, жертвенного козла или бычка, если семья большая, пекут хачапуры и различные национальные и европейские блюда. В прошлом, во время семейно-родовых молений, некоторые семьи, для того, чтобы не спутать долю каждого из членов семьи прибегали к помощи прутиков, отмечая каждую часть одним, двумя, тремя и т.д. нарезками (соответственно количеству членов семьи). Затем на них нанизывали внутренности домашних птиц и в таком виде варили. В настоящее время такой нюанс не соблюдается. Семьи братьев, которые живут вне этой семьи, с кем-то из родственников заранее отправляют петухов, немного кукурузной муки и крупы для мамалыги, пшеничной муки для хачапуров, немного аджики в «большой дом», в котором проводится данный обряд. Хозяйка дома вместе со своими детьми режет петухов, и кладёт их в один большой котёл, чтобы сварить.

В это время глава семьи режет жертвенного козла, он или другие члены семьи мужского пола начинают освежевать. Принесение в жертву козла в разных семьях различается. Некоторые режут козла или бычка каждый год, а другие

через год. В тот год, когда режут жертвенное животное, на главу семьи, который выполняет функции жреца, не режут петуха. Считается, что жертвенное животное закалывают от его имени, хотя на его покупку собирает вся большая семья.

Тем временем продолжается приготовление. Ещё одним атрибутом моления, возможно, одним из главных, являются восковые свечи. В описаниях прошлых столетий количество свечей варьируется. Джанашия Н, описывая в 1917 г. религиозные верования абхазов, упоминает: «Зажигаются, по показанию одних, семь свечей, а по свидетельству других – столько свечей, сколько лиц участвуют во время жертвоприношения»¹⁵. В настоящее время их количество также отличается. В одних семьях делают одну большую свечу, которая является главной, называют *аныха ахэ́та*, – то есть «доля кузни», и по свече на каждого члена семьи. А в других семьях нет одной главной свечи, но её заменяют семь небольших свечей¹⁶. Как объясняют информанты, семь свечей – это количество семи святилищ Абхазии. Также по свече изготавливают на каждого члена семьи. В некоторых семьях эти свечи готовят мужчины. Они считают, что это мужское дело, и женщин туда допускать нельзя. А в других семьях свечи готовят женщины. В последнее время, в семье, где есть крещённые православные, свечи покупают в церкви в церковной лавке.

После того, как всё приготовлено, с 7 до 10 часов вечера, члены семьи начинают собираться в кузню. По их словам, в кузню можно идти, если всё готово, сразу после захода солнца. Не обязательно ждать ночи. Обязательные продукты, которые берут в кузню: печень и сердце жертвенных животных и петухов; первый испечённый хачапур, а некоторые – на каждого члена семьи по хачапуру; соль, которую кладут в центре хачапура; вино; два стакана; язык и подбородок жертвенного животного. В качестве любопытного атрибута этого обряда в одной семье были замечены три пирожка с сыром, из кукурузной и пшеничной муки поровну. Они эти пирожки называли *акукуаркуа*, хотя обычно так называют конусообразные вареники из пшеничной муки с сыром, которые варят, а не пекут в духовке. На вопрос, почему делаются именно такие пирожки, ни одна из участниц обряда не смогла ответить, ограничившись ответом, что так делала их свекровь, а теперь они так делают. То есть для них вопроса о необходимости именно таких пирожков не возникало. Тем не менее, у их было объяснение их количества: «Три, потому что они повторяют обязательные атрибуты кузни: молот, наковальню, шипцы»¹⁷.

Следует отметить, что не в каждой семье с собой в кузню берут язык и подбородок жертвенного животного. Некоторые даже не знают, что такой обычай существуют, а те, кто с собой берёт, объясняют следующим образом: «Бог-Анцэа пробует через язык и подбородок жертвенного животного»¹⁸.

В священной кузне, по сообщениям, отправлял службу самый старый человек, глава семьи – *ашна́та аи́хабы*, который в своё время был кузнецом. Один из старожилых рассказывает, как происходила передача функции жреца. Ещё при жизни, глава семьи, который чувствуя, что уже слаб здоровьем, отрезал клочок волос у старшего из сыновей в этой абицара – патронимии, собирал всех членов патронимии, прилюдно в кузне сжигал его волосы и говорил, что после его смерти функции жреца будет выполнять этот человек.

Теперь остановимся на том, как проходит моление в кузне. Как отмечалось выше, в обряде в кузне принимают участие все члены семьи независимо от пола и возраста, исключая младенцев, которые относятся к этой патронимии. Со всеми приготовленными продуктами с наступлением темноты члены семьи направляются в кузню. Перед началом обряда, если глава семьи выполняющий роль жреца носит головной убор, снимает его. Перед началом моления глава семьи отламывает по кусочку от сердца и печени жертвенных животных, хачапура, замачивает их в вине и кладёт под деревом, которое, как правило, стоит недалеко от кузни. При этом он произносит следующие слова: «Чья эта доля, пока я обслуживаю тебя, не делай так чтобы я, трудясь над этим, не сильно уставал», чтобы обслуживание кузни не было в тягость. Первая молитва обращена кузне. Он просит благословения и неё, потом просит у Бога – *Анцэа* – благословения¹⁹. Затем он молится за каждого члена семьи по отдельности по старшинству. Как правило, ему помогает второй по старшинству брат. Его называют «тот, кто обслуживает жреца». Именно для него в кузню берут

второй стакан. Перед тем, как начать просить благословение о следующем члене семьи, он берёт в руки сердце и печень петуха. В прошлом, чтобы не спутать, кому какой петух принадлежит, каждый член семьи держал прутик со своей долей жертвоприношений, с определёнными надрезами на ореховой палке²⁰. В одной руке жрец держит прутик с сердцем и печенью, в другой руке стакан вина. В прошлом после произнесения молитвы отпивали по три глотка. В настоящее время три глотка не отсчитывают, но стакан целиком не выпивают. После того как жрец произнес молитву, он ставит зажжённую свечу перед наковальной на бруске, на котором стоит наковальня. Ставить свечки он начинает с острой части наковальни, которая направлена на восход солнца. Во время молитвы тот, кто её произносит и за кого молится, смотрит в сторону захода солнца. Свечки обязательно надо зажигать по отдельности, от одной свечи другую зажигать нельзя – это грех, считается, что таким образом можно забрать свет у того, в честь кого была зажжена свеча. После того как жрец помолился за всех, все члены семьи поворачиваются к восходу солнца и произносят молитву в его честь. Когда все молитвы произнесены, жрец дожидается того момента, когда съедят сердце и печень, а также язык жертвенного животного, потом, по его разрешению, все возвращаются домой.

После этого, как правило, на балконе дома, для этого есть негласное постоянное место, жрец молится за каждую невестку. Здесь происходит имитация моления в кузне, но за её пределами. Он делает всё то же самое, что и в кузне, но каждый раз перед началом моления он произносит: «До тех пор, пока я не в состоянии прокормить этими кусочками всех Ачба и Чачба, пусть никто не болеет та за кого я прошу тебя», – и называет имя той, за кого он молится. После того как он за них помолился, они тоже за него молятся, выпивают вино и съедают сердце печень петухов.

На этом заканчивается обряд проведения праздника кузнеца, *хьачхэама* или «старого» Нового года. Все дружно переходят к общему застолью. За общий стол приглашаются все, кто в данный момент находится в доме. По словам информантов, неприятно приходиться в дом, где проводится этот обряд с пустыми руками, нужно обязательно приходиться с какими-нибудь лакомствами. Возможно, это отголоски прошлых столетий, когда к кузнецу со всей деревни шли в гости. Так как ему было сложно накормить всех жителей села, изъявивших желание присутствовать у него в этот вечер. Информанты не могут объяснить, почему так принято. На многие вопросы почему это так, а не по-другому, у них один ответ: «Мы даже не задумывались об этом. Нам так показали наши старшие, и мы так делаем»²¹.

Следует привести ещё один способ проведения данного обряда. В некоторых семьях этот обряд проводят постной едой. *Уи чгьахьала имвапигоит*, говорят абхазы. То есть в той семье, где проводят обряд с постной едой²², соответственно, не режут жертвенных животных, они готовят свечи на каждого, как и остальных случаях, пекут хачапуры, и глава семьи-патронимии молится за всех в кузне. Некоторые, услышав о том, что кто-то проводит этот обряд именно таким образом, часто говорят: «Они были нищими, не имели возможность резать жертвенных животных, вот и их потомки так и проводят до сих пор»²³. Хотя это не всегда совпадает с истиной. Один старожил, вспоминая, как в его детстве этот обряд проводился в доме бабушки, куда они все приходили, и у брата бабушки, рассказывает: «Младший брат моего дедушки проводил этот обряд постной едой. Сказать о том, что у него не было того, кого нужно закалывать? Нет. Он имел своё стадо коз. Но почему-то в его семье, как это было у нас, на каждого не резали петухов, тем более, общего жертвенного козла»²⁴. Мнения на этот счёт в обществе расходятся, причина же пока остаётся неизвестной. Но в данном случае мы видим локальные особенности, которые приобретает данный обряд.

После того, как обряд заканчивается, молодёжь начинает стрелять, свидетельствуя о завершении обряда. Этот элемент был зафиксирован Инал ипа в монографии «Абхазы»: «По окончании всей церемонии все возвращались домой, но перед этим производили несколько выстрелов, чем давали знать соседям, они справляли хьачхэаму, и обряд закончен»²⁵.

Масштаб этого обряда-праздника имеет общереспубликанский размах. 14 января в республике объявлен официальным выходным днём. Несмотря на это,

в Бзыбской Абхазии этот праздник имеет большое значение и влияние. Что касается Абжуйской Абхазии, то можно утверждать, что этот праздник вновь возрождённый. Дело в том, что многие не хотят, чтобы к ним приходили в гости 13, 14 и 15 января. Они отсележиваются, кто с какой «ногой» пришёл к ним. То есть, чья нога принесёт счастье. А если в течение года в семье произошло несчастье, они считают, что их слезил тот, кто в указанные дни к ним пришёл в гости. Одна женщина, бзыбская по происхождению, вспоминает: «Я была молодой невесткой, на «старый» Новый год, как я привыкла в доме отца, решила пойти в гости к двоюродному брату моего супруга. Моя свекровь, когда узнала, что я собираюсь в гости, не захотела, чтобы я пошла туда, но не сказала «не иди». Как только они меня увидели, я поняла, что сейчас они не рады моему приходу, хотя намекнули, что сегодня кучь. Я даже никогда не слышала, что это такое. Оказывается, по-менгрельски «кучь» означает «нога». Так вот, весь год, чтобы с ними не случилось, они открыто говорили мне о том, что именно я пришла к ним с несчастливой ногой»²⁶. После окончания войны 1992–1993 гг. многие стали возрождать традицию этого праздника и говорить, что кучь – это менгрельское и ушло вместе с ними. Тем не менее, на дверях квартир и на воротах можно увидеть ореховые палочки, свидетельствующие о том, что сегодня кучь, и они это помнят. А ореховая палочка считается тем предметом, который отводит дурной газ. Если, например, в бзыбской семье есть абжуйская невестка, то на дверях обязательно увидишь эту палочку.

Библиографический список

1. А...ь. Религиозные верования абхазов / А...ь // Сборник сведений о кавказских горцах. Издание кавказского горского управления. Выпуск V. Раздел «Этнографические очерки». – С. 1–32.
2. Айба, М.В. Опосредованные (предметно-вещные) средства общения у абхазов / М.В. Айба // Абхазоведение (История, археология, этнология). Выпуск 2. – Сухум, 2003. – С. 222–227.
3. Ардзинба, В.Г. Собрание трудов в 3 т. Т. III. Кавказские, мифы, языки эпосы / В.Г. Ардзинба. – М.; Сухум: ИВ РАН, АБИГИ, 2015.
4. Бахия, С.И. Абхазская «Абипара» патронимия (Грузино-абхазские этнографические параллели) / С.И. Бахия. – Тбилиси: Мицниереба, 1986. – 84 с.
5. Джанашия, Н. Абхазский культ и быт (Отдельный оттиск из «Христианского Востока». Том V. Выпуск III). – Пг.: Типография Академии наук, 1917. – С. 157–208.
6. Инал-ипа, Ш.Д. Абхазы / Ш.Д. Инал-ипа. – Сухуми: Алашара, 1965. – 695 с.
7. Квиниция, В.К. О Божестве и термине Шашвы / В.К. Квиниция // Труды Ахазского Государственного музея. Выпуск VI. – Сухум: Абхазский государственный музей, 2008. – С. 126–141.
8. Мачавариани, К. «Религиозное состояние Абхазии» («Кутаисские губернские ведомости», 1889 – №№ 11–14, 16, 20–22, 24, 26–29) / К. Мачавариани // Абхазия и абхазы в российской периодике. Кн. 2 / Сост. Р. Агуажба, Т. Ачугба. – Сухум: ГПП «Дом печати», 2008. – С. 219–256.
9. Миллер, А.А. Материалы по абхазской этнографии (с альбомом фотографий и рисунков), 1907. Ед. хр. 404 на 88 листах.
10. Полевые материалы автора, 2015.
11. Чурсин, Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии / Г.Ф. Чурсин. – Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1957. – 264 с.

¹ Об истории происхождения этих запретных дней никто не знает, но зато все помнят, что в случае нарушения, эту семью обязательно ждёт наказание. В каждой фамилии есть своя легенда о том, как была наказана незамужняя девушка, которая в этот день шила, или молодой человек, который вынес какую либо вещь из дома. По легенде, вдруг в тёплый летний день появляется смерть и забирает девушку. Через неделю или две – тут существуют вариации легенды в каждой фамилии – с неба падает туфля, которая была на ней в этот день. В запретный день не только нельзя работать, но в этот день даже не ходят на плаканье и не хоронят покойников.

² Следует отметить, что в Абхазии не все кузнии являются священными. Такое разделение кузней отмечал А.А. Миллер. В своём отчёте об этнографической экспедиции в 1907 г. он, в частности, пишет: «Далеко не все кузницы считаются священными. В кузнице, имеются в виду священные, молятся богу Шашу – абыжьныха». См.: Миллер А.А. Материалы по абхазской этнографии (с альбомом фотографий и рисунков) 1907. Ед. хр. 404 на 88 листах, лист № 8.

³ В народной религии абхазов божество кузни, кузнечного ремесла и металлургии Шьашы, представлено грозной седмицей, в честь которой в канун Нового года (по старому стилю). Шьашы считался главнейшим божеством после всемогущего Бога – Анца. См.: Квициния В.К. О Божестве и термине Шашвы // Труды Ахазского Государственного музея. Выпуск VI. Сухум, 2008. С. 126–141.

⁴ Под пирогом со свежим сыром автор очерка, скорее всего, подразумевает хачапур.

⁵ Фамилия Анчабадзе – это Ачба, по преданию, они правили в Абхазии до Шервашидзе. А Шервашидзе на абхазский лад – Чачба.

⁶ А...ь. Религиозные верования абхазов // Сборник сведений о кавказских горцах. Издание кавказского горского управления. Выпуск V. Раздел «Этнографические очерки». С. 1–32. Этот обряд также описывал К. Мачавариани в статье «Религиозное состояние Абхазии», опубликованной в нескольких номерах газеты «Кутаисские губернские ведомости» за 1889 (См.: Мачавариани К. «Религиозное состояние Абхазии» («Кутаисские губернские ведомости», 1889, № 11–14, 16, 20–22, 24, 26–29.) // Абхазия и абхазы в российской периодике / Сост. Р. Агуажба, Т. Ачугба. Кн. 2. Сухум, 2008. С. 219–256.

⁷ А...ь. Религиозные верования абхазов // Сборник сведений о кавказских горцах. Издание кавказского горского управления. Выпуск V. Раздел «Этнографические очерки». С. 13.

⁸ Полевые материалы автора, 2015.

⁹ Джанашия Н. Абхазский культ и быт (Отдельный оттиск из «Христианского Востока». Том V. Выпуск III). Пг., 1917. С. 157–208.

¹⁰ Ардзинба В.Г. Собрание трудов в 3 т. Т. III. Кавказские мифы, языки, этносы. М.; Сухум, 2015. С. 114.

¹¹ Бахия С.И. Абхазская «Абипара» патронимия. (Грузино-абхазские этнографические параллели) // Патронимические праздники и святилища. Тбилиси, 1986. С. 48–53.

¹² Там же.

¹³ Миллер А.А. Материалы абхазской этнографии (с альбомом фотографий и рисунков) 1907 г. Ед. хр. 404. Лист № 8.

¹⁴ Ссылаясь на статью Кукбая Ак. (Мидоу-ипа), В.Г. Ардзинба пишет: «режут столько же петухов, сколько мужчин в семье, и столько кур – сколько женщин», Кукбая Ак. (Мидоу-ипа). Как абхазцы встречают Новый год – «хечхома» // Трудовая Абхазия. 14.01.1926. См.: Ардзинба В.Г. Труды. Т. III. С. 133.

¹⁵ Джанашия Н. Абхазский культ и быт. Пг., 1917. С. 170.

¹⁶ Происхождение семи свечей можно предположить, ссылаясь на Г.Ф. Чурсина, который, в свою очередь, ссылается не только на С. Званба, но и на свои полевые исследования, как в Бзыбской, так и в Абжульской Абхазии: «С. Званбай называет бога кузни Шасшу Абж-ныха, т. е. «Шасшу – семь святых сил» и заявляет: «Абхазы представляют себе это божество в семи лицах и называют его семью святыми». Это название «Абж-ныха» – «семь божественных сил» и теперь присоединяется иногда к имени Шасшу; мною замечено это явление как в Бзыбской, так и в Абжульской Абхазии (Джерды). Некоторые фамильные кузни тоже иногда называются «кузни семи сил» (Гудаутский уезд). Вообще число семь в культе кузни играет довольно заметную роль (семь свечей во время моления и проч.). Вообще число «семь» цифра символическая». См.: Чурсин. Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957. С. 67.

¹⁷ Полевые материалы автора, 2015.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Что касается молитвы, то в исторической литературе прошлого века имеются два её варианта. Первый вариант был записан в первой половине XX в. Оба они приводятся в работе В.Г. Ардзинба. В первой молитве говорилось: «О Шьашвы, все семь святынь! Ты, чей кинжал пронзает (человека насквозь), ты, чем кинжал вонзается (в человека). Одари своей лаской, одари своей милостью, сотвори для них (участников обряда. – В.А.) тысячи лет...». Вторая молитва записана В.Г. Ардзинба в 1982–1983 гг.: «Благопожелание по случаю праздника начинается со слов: «мы (участники обряда) пришли встретить (встречаем) Новый год». По той транскрипции, которую даёт он, переводится как разделение года надвое». По объяснению информантов получается: «Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: встречают Новый год, но буквально называют момент встречи временем деления года на две части» (См.: Ардзинба Труды. Т. III, С. 136). Хотя, что разделилось на две части остаётся непонятным. Тем более что, в настоящее время такой вариант молитвы и понятие разделения чего-либо надвое в проведении этого обряда отсутствует. Исследовав этот фрагмент обряда, В.Г. Ардзинба пришёл к выводу, что ритуал в кузне мог быть приурочен к моменту солнцестояния (Там же).

²⁰ Айба М.В. Опосредованные (предметно-вещные) средства общения у абхазов // Абхазоведение: История. Археология. Этнология. Выпуск 2. Сухум, 2003. С. 222–227.

²¹ Полевые материалы автора, 2015.

²² О такой форме проведения данного обряда свидетельствует и Н. Джанашия: «Род Ченгелия в с. Адзюбжа молится Шьашы в великий четверг, причём в жертву приносит постные блюда». См.: Джанашия Н. Абхазский культ и быт. Пг., 1917. С. 170.

²³ Полевые материалы автора, 2015.

²⁴ Там же.

²⁵ Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1965. С. 533.

²⁶ Полевые материалы автора, 2015.

References

1. Miller A.A. *Materialy po abkhazskoi etnografii (s albomom fotografii i risunkov)* [Materials on Ethnography of the Abkhazians (with an Album of Photos and Figures)]. Saint Petersburg, 1907.
2. Kvitsiniya V.K. *Trudi Abkhazskogo Gosudarstvennogo Museya* [Abkhazian State Museum Studies]. Vol. VI, Sukhumi, 2008, pp. 126–141.
3. *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh* [Collected Papers about the Caucasian Hillfolk]. o. V, Tiphlis, 1871, P. 1–32.
4. *Abkhazia i abkhazi v rosiiskoi periodike* (Abkhazia and Abkhazians in Russian periodical press). Book 2, Sukhum, 2008.
5. *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh* [Collected Papers about the Caucasian Hillfolk]. o. V, Tiphlis, 1871, pp. 1–32.
6. Zhanashiya N. *Khristianskiy Vostok* [Christian East]. Vol. V, no. III, 1917, pp. 157–208.
7. Ardzinba V.G. *Sobranie trudov v tryokh tomakh. Kavkazskie mify, yazyki, etnosy* [Collected Works in Three Volumes. Caucasian Myths, Languages, Peoples]. Moscow–Sukhumi, vol. III, 2015, p. 114.
8. Bakhia S.I. *Patronimicheskiye prazdniki i svyatilishcha* [Patronymic Feasts and Shrines]. Tbilisi, 1989, pp. 48–53.
9. Bakhia S.I. *Patronimicheskiye prazdniki i svyatilishcha* [Patronymic Feasts and Shrines]. Tbilisi, 1989, pp. 48–53.
10. Miller A.A. *Materialy po abkhazskoi etnografii (s albomom fotografii i risunkov)* [Materials on Ethnography of the Abkhazians (with an Album of Photos and Figures)]. Saint Petersburg, 1907.
11. Ardzinba V.G. *Sobranie trudov v tryokh tomakh. Kavkazskie mify, yazyki, etnosy* [Collected Works in Three Volumes. Caucasian Myths, Languages, Peoples]. Moscow–Sukhumi, vol. III, 2015, p. 133.
12. Zhanashiya N. *Khristianskiy Vostok* [Christian East]. Vol. V, no. III, 1917, pp. 157–208.
13. Chursin G.F. *Materialy po etnografii abkhazov* [Ethnography of the Abkhazians Data]. Sukhumi, 1957.
14. Ardzinba V.G. *Sobranie trudov v tryokh tomakh. Kavkazskie mify, yazyki, etnosy* [Collected Works in Three Volumes. Caucasian Myths, Languages, Peoples]. Moscow–Sukhumi, vol. III, 2015, p. 136.
15. Aiba M.V. *Abkhazovedenie: Istoriya. Arheologiya. Etnologiya* [Studies of the Abkhazians: History. Archeology. Ethnology]. No. 3, 2003, pp. 222–227.
16. Zhanashiya N. *Khristianskiy Vostok* [Christian East]. Vol. V, no. III, 1917, pp. 157–208.
17. Inal-ipa Sh.D. *Abkhazy* [The Abkhazians]. Sukhumi, 1965, p. 533.